

УДК 891.714-1

С.А. Зубенко

СТИХОТВОРЕНИЯ П. АНТОКОЛЬСКОГО 1915 – 1916 ГГ. И МИСТИФИКАЦИЯ Е. ДМИТРИЕВОЙ

Поэзия Павла Григорьевича Антокольского принадлежит к значительным явлениям русской литературы XX века. Его творчество совпало с разными периодами её развития, сопровождавшегося кардинальной сменой мировоззренческих и культурных парадигм. Входящий в поэзию в начале века, П. Антокольский представлен в истории литературы, как советский поэт, произведениям которого присуще тематическое и жанровое разнообразие. Однако в советской табели о рангах П. Антокольский не занимал высокого положения. Советское литературоведение его творчество обходило стороной, а в XXI в. оно почти выпало из научного оборота. Между тем, он несомненно принадлежит к числу поэтов Серебряного века, поэзия которого складывалась в контексте поэзии постсимволизма. Как и многие его современники, он пережил увлечение русским символизмом, акмеизмом и футуризмом, пройдя большую и важную поэтическую школу. Однако эта часть его наследия по сей день остается малоизвестной и неизученной. Одна из линий влияния на поэтику раннего творчества П. Антокольского восходит к творчеству Е. Дмитриевой (в замужестве – Васильевой), известной под именем Чербуны де Габриак.

Как справедливо полагает А. Никитченко, «имя Елизаветы Васильевой принадлежит к явлениям “второго” ряда. Ее творческая маска Черубина де Габриак сделала ее чрезвычайно известной, но наложила неизгладимый след на всю её дальнейшую поэтическую судьбу. Образ вымышленного автора, дворянки франко-испанского происхождения, оказался органичным и удачным, отголоски творчества Черубины были слышны почти во всех последующих поэтических произведениях Е. Васильевой. Эта маска, в сущности, заслонила от

исследователей остальные стороны творчества поэтессы...» [4, с. 4]. П. Антокольский был знаком, вероятно, именно с теми произведениями, которые поразили современников и наделали много шума в литературных кругах не без деятельного участия М. Волошина – наставника и друга поэтессы, инциатора этой блестящей мистификации. Цель нашей статьи состоит в том, чтобы проследить пути усвоения молодым поэтом П. Антокольским некоторых особенностей поэтики Черубины де Габриак.

Как отмечает А. Никитченко, «совсем молодая и несостоявшаяся поэтесса, без своего собственного стиля, Е. Васильева стала для Волошина, на наш взгляд, одним из главных претендентов для реализации его идей о жизнетворческом и мифотворческом эксперименте в литературе. У Волошина появилась возможность водночасье воплотить в жизнь и свои игровые теории в сфере литературы, и, вместе с тем, помочь молодому поэту реализоваться, что Васильевой не удавалось сделать самостоятельно. Идеи Волошина, ставшие позднее личным опытом мифотворчества Е. Васильевой, не только привлекли внимание издателей и читателей к творчеству молодой поэтессы, но и помогли ей, посредством литературной маски, раскрыть весь свой творческий потенциал» [4, с. 10]. Творчество Черубины де Габриак исследовательница рассматривает в контексте литературных мистификаций той поры.

На наш взгляд, П. Антокольский попал под очарование поэтического мира Черубины де Габриак, её вымышленной биографии, тематики и образов её стихотворений. В его произведения входят образы рыцарей, Ерусалима, сражений, а также поэтический образ неосязаемой любви к недостижимой женщине: её образ пересекается с блоковской героиней. Но если в мистификации Е. Дмитриевой, созданной намеренно, очертания поэтического мира сконструированы довольно четко, в нем почти нет случайных образов и мотивов, то в лирике молодого П. Антокольского они сочетаются с иными, иногда случайными элементами.

Так, в стихотворении «Магическое» возникают приметы мира, близкого миру Черубины де Габриак.

И плачет девушка за прялкой,
О, как ей долго ждать, <...>
И где-то там, так сердцу снится,
В далекой стороне,
Недостижимый всадник мчится
На голубом коне [1, с.21].

В стихотворении даются приметы внешности: «И кудри черные с другими / Седыми сплетены»; слышны отголоски сражения: «Скрестились два клинка»; сопрягаются божье и дьявольское: «Пусть встанет рядом Божье Имя / С названьем Сатаны» [1, с. 21]. На наш взгляд, здесь очевидна стилизация в духе Черубины де Габриак, примером которой может быть, например, её стихотворение «Милый рыцарь! Дамы Чёрной...» (1909): «Храбрый рыцарь! Вы дерзнули / приподнять вуаль мой шпагой... / Гордый мой венец согнули / перед дерзкою отвагой. / Бедный рыцарь! Нет отгадки, / ухожу незримой в дали... / Удержали Вы в перчатке / только край моей вуали» [2, с. 90]. Сближает стихотворение П. Антокольского с лирикой Черубины де Габриак и мотив двойственности, в целом молодому поэту не свойственный: «Два странника земной лазури / Два сердца близнеца. / Два сердца лгут одно и то же. / Скрестились два клинка» [1, с. 21]. У Черубины де Габриак:

Двух девушек незавершенный бред,
Порыв двух душ, мученье двух сомнений,
Двойной соблазн небесных искушений [2, с. 75].

Мир поэзии Черубины де Габриак – это мир католической испу-
пленной религиозности со свойственной ей символикой. Разумеется,
П. Антокольский не мог воспринять его во всей полноте: зачастую
он проявляется на уровне отдельных образов. В его стихотворении
«Так я богат» (1915) поэзию Черубины де Габриак напоминает со-
зданный ею образ возлюбленной девушки:

Она ступает без усилья,
Она неслышна, как гроза,
У ней серебряные крылья
И тёмно-серые глаза.

Её любовь неотвратима,
В её касаньях – свежесть сна,
И, проходя с другими мимо,
Меня отметила она [2, с. 70].

Лирический герой П. Антокольского – «злой колдун», «царь земли проклятой» – держит в заточении девушку, образ которой сближается с образом, созданным Черубиной:

Спит девушка светлее облаков,
И ярче звезд, и солнечней снегов,
И сладостней моей струны крылатой.
Так долго спит. Я познаю мечты, – <...>
И выросли в тюрьме сонетов розы,
Старинный знак Любви и Чистоты [2, с. 22].

Обратим внимание на финальные строки стихотворения Черубины де Габриак:

Я буду неотступно ждать,
Чтоб смерти радостному чуду
Цветы сладчайшие отдать [2, с. 70].

По нашему мнению, тематическое и образное совпадение свидетельствует о близости стихотворений П. Антокольского раннего периода поэзии Черубины де Габриак. А. Никитченко обращает внимание на то, что образ, созданный Е. Дмитриевой, был амбивалентным, что следует учитывать при сопоставлении её поэзии с лирикой П. Антокольского. «Внутри же самой литературной игры

сформировался биполярный образ Черубины де Габриак. <...> Опозиция “Я” и “не-Я” наполняет субъектную организацию лирики Черубины де Габриак, что становится причиной возникновения проблемы её самоидентификации: “Вижу девушки бледной лицо, / Как мое, но иное и то же, / И мое на мизинце кольцо. / Это – я, и все так не похоже”. Как известно, подобный принцип был одной из первооснов поэтики Ин. Анненского. <...> Обе грани двоящегося мира Черубины де Габриак неразрывно взаимосвязаны. В сознании её героя выстраивается четкое представление о существовании двойника и их зависимости друг от друга в литературном пространстве. Отсюда обоюдное умение героя и его двойника созерцать отблески внутреннего мира, предвидеть настроения и действия внутри пары: “И мое на устах её имя, / Обо мне ее скорбь и мечты. / И с печальной каймою листы, / Что она называет своими, / Затаили мои же мечты. / И мой дух ее мукой волнуем...”» [4, с. 70–71]. П. Антокольский воспринял, по-видимому, волнуемый мир средневековой Испании со всем его условным антуражем, причудливо претворившийся в его поэзии в стилизацию.

Так, в стихотворении «Инфанты бледные с точеными руками...» (1915) сочетаются приметы этого экзотического мира с книжными образами:

Инфанты бледные с точеными руками,
Горбатых карликов выслушивая лесь,
Уже солгали вы невинными устами,
И в книге спрятанной прочли о смерти весть [1, с. 22].

Эта строфа напоминает и стихотворение другого молодого поэта, «Брюгге» И. Эренбурга, в котором «и женщины в белом, / и женщины в черном» покорно творят свою молитву. Видимо, можно говорить о плодотворности подобных поэтических стилизаций в ту пору: они давали возможность создавать условный и далекий от действительности мир – об этом верно писала З.Г. Минц в связи с поэзией периода кризиса символизма [3].

Известному стихотворению Черубины де Габриак «Червлёный щит в моем гербе...» (1909) созвучно стихотворение П. Антокольского «Мой ржавый меч – любовь. Кто знает меч чудесней?..»:

Червлёный щит в моём гербе,
И знака нет на светлом поле.
Но вверен он моей судьбе,
Последней – в роде дерзких – волей...

Есть необманный путь к тому,
Кто спит в стенах Иерусалима,
Кто верен роду моему,
Кем я звана, кем я любима;

И путь безумья всех надежд,
Неотвратимый путь гордыни:
В нём – пламя огненных одежд
И скорбь отвергнутой пустыни... [2, с. 69]

Но как и у П. Антокольского, в финале стихотворения осуществляется выход из сферы стилизации.

Объединяющим стихотворения двух поэтов является и образ Золушки. Как полагает А. Никитченко, он является «частным случаем ипостаси праведницы в поэзии Черубины. <...> Кристальная чистота этого образа, а также черты “святости жертвы” словно нейтрализуют действие “любовной порчи” Черубины, предлагая ей искупить свой грех: “За окном чуждых теней миллионы, / Серых зданий длинный ряд, / И лохмотья Сандрильоны – / Мой наряд”. Образ Золушки как собирательный символ трудолюбия, настойчивости и оптимистической веры в перемены к лучшему задействован в лирике поэтессы, думается, в целях освещения особой стойкости духа самой Черубины де Габриак: “Наш узкий путь, наш трудный подвиг страсти, / Заткала мглой и заревом тоска”. Ипостась Золушки, подобно роли царицы, заключает лирического героя Черубины в пути одиночества:

“Утром меркнет говор бальный.../ Я – одна... Поет сверчок... / На ноге моей хрустальный / башмачок. / Путь завещанный мне с детства – / Жить одним минувшим сном. / Славы жалкое наследство...” [2, с. 86–87].

В ранней поэзии П. Антокольского целый ряд стихотворений содержит этот неожиданный и книжный по своему происхождению образ. Поэт использует выразительную деталь – стеклянный / хрустальный башмачок, – исходного книжного источника и поэзии его предшественницы. В стихотворении «Ни Золушки шаги по пыльному паркету...» (1915), как и у Черубины де Габриак, Золушка проходит в одной туфельке: «Она прошла, как тень, в одной стеклянной туфле» [1, с. 16]. Образ Золушки создан и в стихотворении «Инфанти бледные с точеными руками...». Здесь, как и в поэзии Черубины де Габриак, он является символом христианской чистоты:

Большие девочки, узнавшие так много,
С глазами мучениц, идущих за Христом,
Вы – сестры Золушки, вы просите у Бога
Послать вам вестника с хрустальным башмачком [1, с. 22].

Однако позднее поэт сам признается в книжном характере этого образа:

Как много вас сошло: король с клюкой высокой,
Сестрица Золушка, горбун и гробовщик,
И в саване Пьеро, обманутый жестоко, <...>
И каждый говорит. И каждый мой двойник.
И каждый тянется из книжного истока [1, с. 41].

Следует признать, что поэтический образ Золушки диссонирует с католической образностью в поэзии Черубины де Габриак и представляется искусственной попыткой передать переживания лирической героини. Тем более, когда этот образ соотносится с христианскими мотивами и образами средневековой Испании. П. Антокольский

так же включает этот мотив в свое стихотворение, но возвышенный пафос скоро снимается им в признании, что этот мотив «тянется из книжного истока».

Сближает поэзию двух поэтов и тема преждевременной смерти, неожиданная для творчества молодых людей. Составители книги «Далеко это было где-то...» полагают, что источником этой темы у Черубины де Габриак и П. Антокольского являлась смерть сестер обоих поэтов в раннем возрасте. Вероятно, это предположение имеет право на существование. Но тема смерти в середине 1910-х гг. была непременно атрибутом поэтического мира и представляла уже во многом клишированной и банальной, поскольку оригинально была разработана еще в поэзии декадентов. В стихотворениях Черубины де Габриак она была обусловлена всем комплексом религиозных переживаний героини, погруженной в мистический опыт св. Терезы Авильской и св. Игнатия Лойолы: именно смерть является целью истинного христианина, сына / дочери Божьих.

В ранней поэзии П. Антокольского тема смерти почти свободна от религиозной символики. В стихотворении «Так она богата» (1915) создан аллегорический образ Смерти, представления о которой сводятся к тому, что у нее есть свой рог, зовущий умерших, свои вестники и своя страна. Поэт создает стихотворение афористичное, краткое, в котором комбинирует узнаваемые и несколько тяжеловесные образы:

У Смерти есть свои герольды,
Падучих звезд несчетный рой,
Кристаллы слез, что жгут порой,
И злые горные кобольды [1, с. 25].

Тема смерти, следует признать, решается молодым поэтом узнаваемо: в его стихах встречаются банальные умозаключения: «...мы умрем, когда придет пора. / Пускай умрем. Но нынче – Бог свидетель! / Твой поцелуй дороже истин всех» [1, с. 33]; обращения к создателю, напоминающие юношеский вызов: «Я написал свои стихи /

Похвалите за усердые / И увенчайте их / Нечаянной смертию...» [1, с. 34]. В стихах 1916 г. лирический герой приходит к заключению: «Мы умрем. Мы пройдем мимо вас...» [1, с. 39]. В стихотворении «Вот и умер. Лежу под покровом...» (1916) тема смерти решается иронически, как и в следующем за ним стихотворении «Долго в мире пугали... Нажужжали в уши...» (1916) [1, с. 57]. Эти произведения нам представляются попыткой снижения «высокой» темы, обытовления библейских представлений о загробной жизни. Такая интерпретация темы смерти Черубине де Габриак не характерна.

Мистификация Е. Дмитриевой оказала влияние на творчество П. Антокольского. В его стихотворениях эксплуатировались образы инфанты, рыцарей, Золушки, возлюбленной, сражений, напоминающие произведения Черубины де Габриак. Однако в отличие от её поэтического мира, специально сконструированного по законам мистификации, эти образы не стали определяющими для поэтической системы П. Антокольского и свидетельствуют лишь о разных, порой тупиковых, путях ученичества молодого поэта у современников.

Литература

1. Антокольский П.Г. Далеко это было где-то...: Стихи. Пьесы Автобиографическая повесть. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. 464 с.
2. Васильева Е.И. (Черубина де Габриак) Исповедь. Москва: Аграф, 1999. 383 с.
3. Минц З.Г. К изучению периода «кризиса символизма» (1907 – 1910). Поэтика русского символизма. Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 2004. С. 207–222.
4. Никитченко А.А. Поэтика Е. Васильевой в контексте русской литературы начала XX века: дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.02 Русская литература. Харьков: ХНПУ имени Г.С. Сковороды, 2010. 174 с.
5. Тоом Ан., Тоом А. От составителей. Антокольский П.Г. Далеко это было где-то...: Стихи. Пьесы Автобиографическая повесть. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С. 5 –10.

Анотація

С.О. Зубенко. Вірші П. Антокольского 1915–1916 рр. і містифікація Є. Дмитрієвої

У статті розглядаються шляхи учнівства П. Антокольского, який у початковий період своєї творчості підпадав під різні впливи, та зроблена спроба переосмислити існуючі сталі уявлення про його спадщину. У поезії П. Антокольского 1915-1916 рр. відчутна дія поезії Черубіни де Габріак – містифікації Є. Дмитрієвої, виконаної під керівництвом М. Волошина. Між віршуваннями двох поетів виникає зв'язок на рівні тематики та образності, що свідчить про пошуки П. Антокольским свого поетичного шляху. У його віршах експлуатуються образи інфант, лицарів, Попелюшки, коханої, битви, що нагадують твори творчої маски Є. Дмитрієвої – Черубіни де Габріак. Однак у відмінності від її поетичного світу, спеціально сконструйованого за законами містифікації, ці образи не стали визначальними для поетичної системи П. Антокольского і свідчать лише про різні, часом тупикові, шляхи учнівства молодого поета у сучасників.

Ключові слова: поезія постсимволізму, стилізація, літературна містифікація, творча маска.

Аннотация

С.А. Зубенко. Стихотворения П. Антокольского 1915 – 1916 гг. и мистификация Е. Дмитриевой

В статье осмысляются пути ученичества П. Антокольского, в ранний период творчества испытывавшего различные влияния, и предпринимается попытка пересмотра устоявшихся представлений о его наследии. В стихотворениях П. Антокольского 1915–1916 гг. ощутимо воздействие поэзии Черубины де Габриак – мистификации Е. Дмитриевой, выполненной под руководством М. Волошина. Между стихотворениями двух поэтов возникает связь на уровне тематики и образности, свидетельствующая о поисках П. Антокольским своего поэтического пути. В его стихотворениях эксплуатировались образы инфанты, рыцарей, Золушки, возлюбленной, сраженный, напоминающие произведения творческой маски Е. Дмитриевой – Черубины де Габриак. Однако в отличие от ее поэтического мира, специально сконструированного по законам мистификации, эти образы не стали определяющими для поэтической системы П. Антокольского и свидетельствуют лишь о разных, порой тупиковых, путях ученичества молодого поэта у современников.

Ключевые слова: поэзия постсимволизма, стилизация, литературная мистификация, творческая маска.

Summary

S.A. Zubenko. Poems by P. Antokolsky of 1915 – 1916 and the Mystification of E. Dmitrieva

The article explores the paths of apprenticeship of Pavel Antokolsky in the early period of his work experiencing various influences. An attempt is made to revise the established ideas about his legacy. In the poems by Pavel Antokolsky (1915 –1916) it is possible to trace the influence of the poetry by Cherubina de Gabriac – the mystification of Elizaveta Dmitrieva, performed under the leadership of Maximilian Voloshin. These two poems of these two poets correlate at the thematic and figurative level, which proves the search of his poetic path by Pavel Antokolsky. In his poems he exploited the images of infanta, knights, Cinderella, beloved women, battles, reminiscent to the works by Elizaveta Dmitrieva's creative mask – Cherubina de Gabriac. However, unlike this poetic world, specially designed according to the laws of mystification, these images did not become determinative for the poetic system of Pavel Antokolsky and testify only to different, sometimes deadlock, ways of apprenticeship of the young poet from contemporaries.

Key words: poetry of post-symbolism, stylization, literary mystification, creative mask.

Інформація про автора

Зубенко Світлана Олександрівна – старший викладач кафедри іноземних мов Харківського національного університету міського господарства імені О.М. Бекетова; вул. Маршала Бажанова, 17, м. Харків, Україна, 61000; <http://orcid.org/0000-0002-1035-6209>